

18+

Валентина Абакумова

Физика Пашилы

Валентина Абакумова

Физика Ташлы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18324178

ISBN 9785447471989

Аннотация

Где начинаешься, Россия? Чем живёт твоя глубинка? Всего лишь картинки из жизни одного села Оренбургской области, где смешались дорожки местных жителей и городской интеллигенции, а что получается – раствор или суспензия – решать читателю. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Ташла вчера и сегодня	5
Ташлинские побасенки	10
Из песни Мухина слов не выкинешь...	14
Легенды Ташлы	18
Тайны плохой горы	18
Зона	23
Вечная невеста	26
Ташлинские камушки	29
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Физика Ташлы

Валентина Абакумова

© Валентина Абакумова, 2016

Художник Ильдар Гафиятуллин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ташла вчера и сегодня

Село Ташла было основано более 250 лет назад Иваном Лаврентьевичем Тимашевым, директором Оренбургской пограничной таможни. Иван Лаврентьевич был среди первых офицеров, прибывших на пустынные берега Урала в 1740-х годах. В составе своего ландмилицкого полка он принимал участие в возведении, заселении и охране первых крепостей на реке Сакмаре. Как и другие служащие дворяне, он получил землю в новой губернии, потом прикупил к ней у башкир вотчинников большие участки. На этих землях основал он сёла, такие как Никольское, Тимашево, Ташлу и деревни. Здесь поселились русские крепостные крестьяне различных губерний России. И тут же село Ташла превращается в центральное имение Тимашевых: в распоряжении помещика было 10 сёл. Сам Тимашев не устоял перед красотой ландшафта села. Благодаря мудрой благоустроительной деятельности шести поколений Тимашевых, село превратилось в одно из самых привлекательных мест нашего края. Дух книжной культуры, тяги к чтению и литературному творчеству проникает в среду провинциального дворянства ещё в конце 18-го века. В Оренбурге этот тип культурного помещика нашёл своё выражение в лице Николая Ивановича Тимашева, сына Ивана Леонтьевича, который прослыл как первый поэт Оренбуржья, а в большую литературу он во-

шёл как прототип одного из героев Сергея Тимофеевича Аксакова, описавшего в «Семейных хрониках» романтическое похищение Тимашевым своей невесты – Федосьи Петровны Бекович-Черкасской, воспитанницы Тевкелевых. С. Т. Аксаков называл Тимашевых своими дальними родственниками. По преданию именно в Ташлинском парке Аксаков увидел аленький цветочек. Большое удивление вызывает то, что среди крепостных людей Тимашева были не только грамотные и начитанные люди, но и истинные писатели, поддерживаемые баринством в своих творческих трудах. Известные в крае охотничьи сборы стали сюжетом рассказа Владимира Даля «Охота на волков». Ташла с самого своего начала была самым крупным культурным гнездом Оренбургского края. Все дороги Оренбуржья, по которым путешествовали именитые люди России, приводили сюда... Среди них писатель Владимир Иванович Даль, композитор А.А.Алябьев, писатель Пётр Кудряшов, декабрист Сергей Волконский. Все они оставили прекрасные воспоминания и о себе, и о времени, проведённом в Тимашевском имении. Здесь же жила Екатерина Александровна Тимашева, урождённая Загряжская, из того же рода, что и жена Александра Пушкина – Наталья Гончарова. Екатерина Александровна – жена Николая Ивановича, лично знакомая с А. Пушкиным, которому она была интересна не только как красивая женщина, но и как поэтесса. 20 октября 1826 года Пушкин написал ей в альбом: «Я видел вас, я их читал, Сии прелестные создания, где ваши

томные мечтанья боготворят свой идеал. Я пил отраву в вашем взоре, в душой исполненных чертах, и в вашем милом разговоре, и в ваших пламенных стихах; соперницы запротестной Розы блажен бессмертный идеал... Сто крат блажен, кто вам внушал и много рифм и много прозы!» Так что то, что Ташла была выбрана краеведом С.Е.Сорокиной, по мотивам произведений которой представлена данная информация, местом проведения ежегодных пушкинских праздников, вполне оправдано. И благодаря этим дням, которые проводятся в начале июня, Ташла и в наши дни остаётся культурным центром области.

То, что Ташла привлекала к себе именитых и творческих людей прошлого – исторический факт. Но и сегодня она стала магнитом для людей талантливых, интересных, деятельных. Она стала местом встречи представителей оренбургской (и не только) интеллигенции, своего рода поднебесным клубом, где всегда можно встретить тех, с кем приятно общаться на фоне поющего соловья или звенящей тишины, которые дают почувствовать, как это необходимо, чтобы в душе было светло, чисто и спокойно... Очень много времени в Ташле проводят художники Геннадий Смородин, Ольга Кошелева, Владислав Ерёменко. А первыми художниками нашего времени, которые активно работали здесь, были уже ушедшие от нас Василий Фроленко и Валентин Горлач. Вместе с ними открывали Ташлу, как вотчину оренбургских художников Рудольф Яблоков и Валерий Газукин. Специально

поработать на пленере приезжают сюда очень много художников, и не только оренбургских. Тематическая выставка областного значения «Ташла в творчестве художников» не раз проходила в областном центре, сюда же приезжает отдохнуть и поработать писатель Владимир Одноралов. Кстати, открыл Ташлу для творческой интеллигенции Оренбурга именно он со своим другом художником Сергеем Ракутиным. Здесь отдыхают не только художники, писатели, журналисты, фотографы, а так же преподаватели высшей школы и их друзья.

«Дикие мальвы» 2001г. 60x70 х/м

Ташлинские побасенки

(Записано за местными жителями)

Свой своему поневоле рад. Есть бы – убил, нет бы – купил...

Замуж за ...? В дом – едока, а на себя – ездока.

Лень, отвори дверь.

– Угорю, но не отворю..

– Федул, чего губы надул?

– Да кафтан прожѐг...

– А дыра большая?

– Дыра-то небольшая, да один ворот остался.

– О, на тебе дорогое платье. Много ли отдала за него?

– Все медные, все серебряные, рубль – рублями, четвертак – деньгами, четвертак да пятак, да мелких немножко.

– Новая покупка? А откуда деньги?

– Занял.

– Дают?

– Да дают...

– Как отдавать будешь?

– Зачем же? Кто ж тогда ко мне на похороны придёт?

– И зачем тебе пять баб?

– Да будут работать – прокормлю!

В нашей деревне беда за бедой: купили два быка и оба с ...
андой...

Как его зовут?

– Да его мало зовут, больше выгоняют.

Жениться – не напасть, как бы женатому не пропасть.

Муж как уж, обовьёт, все соки выжмет.

Жена не рукавица, с руки на пол не сбросишь.

Есть захочешь, сама соскочишь...

Чей бы бычок не прыгал, а телёночек наш.

– Хлеб да соль.

– Едим, да свой. а ты у порога постой...

– К нашему шалашу милости прошу.

– Ешь, пока рот свеж, а как завянет, ничего туда не попа-
нет.

– Пока жуём – живём...

Хлеб выкормит, вода вымоет.

Весна. Щепка на щепку лезет...

А где это видано,

А где это слыхано?

Чтоб курочка бычка родила,

Поросёночек яичко снёс,

На высокую полочку снёс?

Из песни Мухина

слов не выкинешь...

Справка: Мухин Н. И. – председатель местного совета замечательного села Ташла ещё в Советском Союзе. Ныне – пенсионер. Говорит он в основном языком поговорок и идиом.

В коллективе всё легко: и водку пьёшь, как молоко.

Молитва: Покров-батюшка, покрой землю снежком, а невесту женишком... (Покров – престольный праздник Ташлы)

Как ни хворала – померла...

Жена – не стена, можно подвинуть.

Для бабьего хвоста не бывает поста.

И целоваться в уста не бывает поста.

И на старуху бывает проруха, а на молодуху – в частуху!

Что я без вас? И нет никто, и звать никак.

Своя баба в чужом сарае и то по-новому...

Попа как орех: так и просится на грех.

Яким зробили в гузке, не перекуёшь и в кузке.

Господи! Видишь ли? Или показать тебе?!

Чтотыляжешьбудешьделать! (Ругательство)

Наша невестка всё трескат: и мёд – так жрёт, и нет – так ждёт.

Раз приехали кормиться – что торопиться?

Пока трясутся жилы – будем живы.

Глазам свидетеля не надо.

Не посадимши душу в ад, не будешь богат.

Человек простой на пороге постой.

Хозяйство вести – не вот этими трясти.

Один раз – сигарга, восемь лет – каторга.

Днём монашит, ночью ералашит.

Маленький дождишка для лодыря передышка.

Был бы дождик, был бы гром, и нам не нужен агроном.

Хрен ровесников не ищет...

Пойдёт? Пойти-то пойдёт старуха за барина, да вот как жить будет?...

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить.

Девичий стыд – до порога, переступила и забыла.

За двумя зайцами погонишься – ни одного кабана не поймаешь.

Комар лошадь не повалит, пока медведь не подсобит.

Молодые бранятся – тешатся, а старики бранятся – бесятся.

Пьяному море по колено, а лужа – по уши.

Ума палата, да ключ потерян.

Хлеб на стол – и стол престол, а хлеба ни куска – и стол доска.

Подарил барин брюки – оторвал за это руки, подарил сапожки – оторвал и ножки.

В шестьдесят-то лет и через соломинку спотыкаешься.

А у него голова только чтобы шапку носить.

Три «много» и три «мало» губят человека: много говорить и мало знать, много воображать и мало стоять, много тратить и мало иметь.

Его-то рука да тяжелей стакана не знала пока.

У Бога дней много, и на мою лень найдётся день.

Легенды Ташлы

Тайны плохой горы

«Ямантау – плохая гора», – говорят в Ташле. Да и с тюркского название её так и переводится – плохая гора. Хотя, чем же плоха? Красивая, кудрявая от лиственных пород, ягоды, грибов – как и на всех соседних шиханах – море. И родники с чистой хрустальной водой тоже имеются. Однако не любят ходить на неё, ни за дровами, ни за грибами, ни за ягодами, ни на охоту. А всё потому что гора эта, как поговаривают, скрывает тайну. Тайну тимашевского клада. Клад этот сокрыл управляющий Тимашева – Цильке Генрих Августович, или как его здесь все называют – Кнопка. Кнопка – потому что ростом не удался, да всегда – и зимой и летом, и в дождь, и в снег – носил он свой плащ с капюшоном. Кулёк капюшона всегда торчал вверх, как ножка кнопки, вот и прилипло к Цильке это прозвище.

Цильке был человек грамотный и по долгу службы бывало ездил в Оренбург и привозил оттуда газеты и ведомости всякие, да и все обсуждаемые в городе новости были у него на слуху. Так и о революции октябрьской узнал он первым в Ташле. И хоть Тимашев относился к крестьянам хорошо:

и врач был в селе, и школу для детей крестьянских Тимашев содержал, однако надеяться на благодушие крестьян, когда они узнают о революции, управляющий имением Тимашева не рискнул. И пока народ не кинулся потрошить это имение, под видом поездок на гульбища, а гора эта славилась ещё и местом гульбищ барина, Кнопка вывез на гору Ямантау все ценные вещи из имения и спрятал в одной из пещер (на горе много карстовых провалов), в которой на подобный случай были выстроены тайные подвалы. И в этих тайных подвалах до сих пор хранятся золото, серебро, картины, персидские ковры, а так же библиотека Тимашева.

Когда крестьяне прослышали про революцию, собрались толпой и пошли штурмом на имение Тимашева, желая поживиться добром барина. Только там их встретила тишина и открытые настежь двери. В богатом дворянском доме остались лишь дорогие занавески на окнах, они-то и скрыли то, что происходило в барском имении, пустая мебель да голые стены. Мебель для крестьян ценности не представляла, она бы в их маленьких домишках и не поместилась, так что она, несмотря на свою ценность, пошла на дрова, а вот занавески оконные оченьгодились: из них бабы пошили штаны своим мужикам, говорят, штаны эти оказались такими крепкими, что их носило три поколения крестьян!

А вот Кнопку с той поры никто не видел. Ни среди мёрт-

вых, ни среди живых. Про таких говорят, что они в промежуточном мире, в мире призраков и привидений. Преданный своему делу и хозяину Кнопка до сих пор хранит ключи от тимашевских тайных подвалов. Однако, покоя он не имел долго. Потому как постоянно находились люди, желавшие отыскать тимашевские подвалы, чтобы попользоваться лёгкой добычей. С топорами и ружьями бродили они по Ямантау в поисках заветной пещеры и будоражили вечного сторожа её – Кнопку. Тогда Кнопка призвал тёмные силы природы себе в помощь: и с тех пор тот, кто взойдёт на эту гору, теряет дорогу назад. Ходит он ходит километр за километром и вдруг обнаруживает, что блуждает на одном и том же пятачке, и куда б ни шёл, хоть вперёд, хоть назад, хоть на север, хоть на юг, а выйти с этого пятачка не может. Топчет одну и ту же траву, ходит мимо одних и тех же деревьев, пробивает топором проход в одних и тех же кустах... Страх остаться здесь навсегда заставляет забыть горе-путешественника, искателя кладов, зачем он взошёл на эту гору, и только желание выйти, наконец, на дорогу, которая приведёт в село, подсказывает ему, что выведет его с горы один лишь способ, о котором старые люди рассказывают молодым шёпотом: нужно раздеться до гола, вывернуть всю одежду наизнанку и так и одеть её. Но это поможет тебе только выйти из леса к селу, а вот дорогу к пещере ты потеряешь навсегда.

«Вечерний дворик» 2002г. 65х70 х/м

И вот ведь незадача! Дорогу к селу из леса на горе Яман-тау теряют не только искатели кладов, но и те, кто забредает сюда и по грибы – по ягоды! Способ этот помогает и им. Но все знают, что однажды воспользовавшись этим приёмом, дороги к тимашевским подвалам он уже не найдёт никогда...

Однако в последнее время местные жители стали встречать Кнопку как в лесу, так и в селе. Видно устал он быть хранителем, или какая другая причина у него появилась, только начал он предлагать всем, кого встречает, ключи от тех самых тимашевских подвалов, которые хранят барское добро. Правда с условием, что, получив это добро, дабы не пустить его по ветру, не смел новый хозяин ни вина пить, ни сигар курить, ни любовным утехам предаваться. Однако, каждый, кто получал такое предложение, отказывался от ключей, мол, сидеть на горе золота и не иметь возможности воспользоваться им, чтобы выпить, покурить да и поцеловаться, то зачем же оно тогда нужно?! А кого-то, может быть, проклятье Ямантау пугает. Так что новый хозяин этим ключам так и не нашёлся до сих пор...

*(Идея писателя Владимира Одноралова в обработке
Валентины Абакумовой)*

Зона

Ташла расположилась среди хребтов на краю Уральских гор, Один из них – Новый Накас – самая высокая точка Оренбуржья. Поэтому воздух здесь такой, как говорят местные жители, что его можно ножом резать и на хлеб мазать. Красный Шихан признан памятником природы, его южная сторона представляет собой обнажение триасового периода. А есть гора, которая называется Банной. Её вершина практически всегда в голубоватой дымке. Говорят, что на этой горе некие силы варят погоду. А погода в Ташле, действительно, несколько отличается от погоды даже в близлежащих населённых пунктах. Не случайно в Ташле выпадает осадков больше, чем где бы то ни было в области. Мокрый угол – так говорят про Ташлу. Да это видно и невооружённым глазом.

Например, зимой в Тюльгане, районном центре, как везде, но стоит выехать на дорогу, ведущую в Ташлу, как попадаешь в Берендеево царство: здесь и снега побольше, и иней побогаче... А летом очень часто складывается впечатление, что туча дождевая ходит кругами только над Ташлой. И самые непроглядные туманы бывают только на дороге, длиною в девять километров – расстояние от Ташлы до Тюльгана.

Но есть здесь ещё одно место, в котором «заваривается» погода. Оно располагается на северо-западе от села, ближе к северу, так сказать норд-норд-вест. В его небольших ущельицах часто можно наблюдать поднимающуюся к небу струйку голубого тумана. «К дождю» – говорят местные жители. И не ошибаются. А вот ходить на прогулки в это место остерегаются. Считается, что и грибы и ягоды здесь не растут.

Чураются этого места и альпинисты, которые в период перестройки переехали в село на постоянное место жительства из Душанбе. Там им случалось взбираться на вершины Памира и Тянь-Шаня. Чувство опасности отточено у них до совершенства. И вот близ этого места, жалуются они, у них как будто бы безо всякого на то основания поднимается пульс и струна нервного напряжения сковывает движения.

У местного населения есть объяснение и этому. В самый центр этой территории ведёт странная заросшая дорога. Говорят, что возникла она в одну ночь и использовалась только однажды: по ней проехала военная техника, принимавшая участие в известных испытаниях на Тоцком полигоне. Прошла эта техника к одному из глубоких карстовых провалов на Новом Накасе, там она и была захоронена. Документальных подтверждений этому факту никто не находил, но слухи об этом стойки и живут до сей поры. И хотя наличия радио-

активности здесь не обнаруживается, место это настойчиво называют Зоной.

Однако особенности этого места замечаются и по-другому. Свидетели утверждают, что время от времени некий летающий объект совершает облёт этого места. Объект этот имеет форму большого горящего шара, который оставляет за собой два светящихся и впоследствии растворяющихся в воздухе шлейфа в форме ятаганов.

Кроме того, забредший в это место человек может испытывать необычные состояния. Были случаи, когда люди отделялись от своего тела и наблюдали его со стороны, теряясь в догадках, что бы это значило. И, хотя мир в этом состоянии приобретает необычную красочность и обогащается новыми впечатлениями, желания возвращаться в «непонятное» и «непознанное» пережившие это люди не испытывают и поэтому обходят это место стороной.

И ещё одна особенность этого места: здесь есть родник, вода которого вопреки всем законам физики течёт вверх... Однако, однажды встретившие этот родник, желая показать это чудо другим, не находят его впоследствии. Но это уже другая легенда.

Вечная невеста

Легенда, которую в качестве страшилки рассказывают друг другу дети Ташлы.

У Тимашевых в основном мальчики рождались. Но однажды в их роду появилась девочка. Была у неё нянька, из крепостных. Та ей рассказывала сказки про лесных жителей: бабу Ёжку, лешего, духов деревьев, Хозяина трав и других. Девочка очень хотела сходить в лес, познакомиться с ними. Но родители строго-настрого запрещали ей гулять в лесу, боялись, что заблудится. Она могла общаться только с растениями из их оранжереи. Они, конечно, были очень красивы, но ничего не знали про жизнь на свободе. Девочка выросла очень красивая и очень умная, потому что всё своё время проводила в фамильной библиотеке, а вот про жизнь так же, как и растения из оранжереи, ничего не знала...

Пришло время ей выходить замуж. Отец нашёл ей жениха из известных и богатых помещиков. Тот написал ей письмо о том, как он полюбил её заочно, слушая то, что рассказывает о ней отец. Жених-помещик тоже был хорошего воспитания, грамотный, поэтому письмо у него получилось красивое и нежное. Слова письма очень растрогали юную девушку, и она стала с нетерпением ожидать встречи с возлюблен-

НЫМ.

Жених должен был прибыть в Ташлу в ночь перед свадьбой. В этот предсвадебный день в имении Тимашевых было колготно и шумно. Юная невеста примерила свадебное платье, накинула на голову фату, покрутилась перед высоким зеркалом, ей очень понравился наряд невесты. «Надо нянюшке показать его» – подумала она и пошла в ту часть дома, где жила прислуга.

А в это время во двор въехала карета с женихом. Девушке стало любопытно, она спряталась за занавеской и стала подглядывать в окошко. Дворовый открыл дверцу кареты и из неё вышел старик в зелёном камзоле. «Наверное, это отец жениха» – подумала невеста. Однако, из кареты больше никто не вышел. А навстречу старику вышел её отец, он подошёл к нему, приветливо обнял, пригласил в дом и сказал, что к свадьбе всё готово.

Страшная догадка пришла на ум юной красавице: отец хочет выдать её за этого старика, он богат и из благородного рода... Пусть так, но она не хочет быть женой старого человека! Она хотела было бежать к отцу и умолять его отменить эту свадьбу, но в это время девушки-крестьянки открыли специальный вход в дом для прислуги и занесли букеты цветов из леса для украшения свадьбы. Невеста выбежала

из дома через эту дверь и без страха устреми.

С тех пор её больше в доме никто не видел. Может быть, не нашла дороги назад, а, может быть, не захотела вернуться. Однако увидеть её можно в лесу. Правда, это могут сделать только молодые женихи. Если они попадают в лес перед свадьбой, она выходит к ним навстречу в свадебном наряде и умоляет взять её в жёны. Девушка эта так красива и так несчастна, что у молодого человека возникает нестерпимое желание поцеловать её, но тот, кто соблазнится её поцеловать, уже не возвращается к своей земной невесте. И часто до самой смерти не находит себе любимую на земле... Поэтому ташлинские девушки, которые собираются выходить замуж, ни под каким предлогом не отпускают своих женихов в лес: ни на рыбалку, ни на охоту, ни даже на сенокос...

Ташлинские камушки

За обеденным столом все ташлинские гости. Марат снова что-то «сморозил». Все расхохотались.

– Что-что он сказал? – спросила подросевшая бабуля, – я прослушала, а это наверняка очередной ташлинский камешек.

– Почему «ташлинский», я понимаю, но в моём теле, – многозначительно заявил Марат, – давно скрывается вопрос: почему «камушек»?

– В чём-чём? – переспросила бабушка, глухая, наверное.

– В теле.

– Ну, если в теле, то слушай: наша жизнь, как сплошная лента, каждую минуту происходят какие-нибудь события. Если событие рассказать, оно превращается в приключение. А приключения помнят дольше, чем просто события. Все рассказанные события, то есть уже приключения, собранные вместе похожи на мозаичное полотно нашей жизни в Ташле, в котором можно увидеть, как нам тут всем здорово живётся. А мозаика – это и есть отдельно взятые камешки разных оттенков, которыми и складываются целые картины.

– Поня-а-а-тно... – протянул Марат.

– Что, телу стало легче?

– Станет, если ты и про это камешек напишешь. А то Назарка-то подрастёт (младший 10-месячный брат), у него то-

же этот вопрос возникнет, а вдруг ты к этому времени забудешь ответ?

– Марат! – в голосе бабушки прозвучало откровенное раздражение, – это ты поменял мне браузер? Почему не спросил разрешения? У меня же все закладки исчезли...

– Я ничего не менял! – ничтоже смутящийсяотреагировал внук переходного возраста, приехавший на каникулы к деду с бабкой.

– А кто же? Муха? Марыська? Рекс? – бабушка перечислила всех домашних животных.

– Это компьютер сам... обновил браузер, – Марат вложил в эту фразу всю силу своего убеждения.

– Марат, я ещё не в маразме, – бабушка собралась было объяснить, причём здесь этот самый маразм, но внук перебил её:

– А тебе он и не грозит! У тебя другой путь.

– Это какой же? – тут же спросила бабушка, подозревая, что ответ будет интересен не только ей.

– Ты впадешь в детство. А сейчас ты пока в пути, и в этом году как раз в юности, потому и как все 17-летние девушки любой разговор обязательно доводишь до беспредметного ора...

Бабушка хотела было высказать на этот счёт своё мнение, но почувствовала, что эмоции плещутся уже почти над головой, поняла, что в этот момент любые её слова только

подтвердят сказанное внуком. Она повернулась к компьютеру, достала блокнот с паролями, но Марат подошёл, что-то там покликал и вернул все закладки на место. Бабушка так и не поняла, что же он там сделал... Этот самый внук в переходном возрасте...

«Да, – подумала она, – судя по тому, как я владею собой, в переходном возрасте я, а не он...»

Элеонора Приехала в Ташлу погулять по лесу. «Когда, – говорит, – ещё получится! Возраст даёт о себе знать... Силы-то не те. И, вообще, если меня кто-нибудь поздравит с 66-летием в этом году, с тем больше дружить не буду!» Взяла корзинку на всякий случай и ушла на прогулку. И случай представился. Грибы повстречались... Возвращается в село. И тут она видит дачников, молодых мужчин, которые шашлыки готовили на берегу Ключа, находясь в замечательном расположении духа.

– Неужели грибы в лесу есть? – встретили они её вопросом.

Элеонора поправила шляпку на голове:

– А есть!, – отвечает.

– Можно посмотреть?

– Извольте!

Мужчины окружили её, корзинку забрали и ну каждый гриб обсуждать! Эля подождала немного, наслушалась вос-торгов по поводу грибов и, наконец, остановила их разговор:

– Мне уже можно идти?

– А, да... конечно... мы вас не держим...

Элеонора взяла корзинку, и, отойдя на несколько шагов, обернулась и сказала:

– А могли бы и поддержать!...

Молодые люди растерялись, но ненадолго:

– Женщина! – обратились они вслед, но Элеонора не обернулась даже. А потом кто-то догадался: – Девушка! Девушка! Заходите на шашлычок!

– Надо подумать, – ответила Эля и пошла дальше невесть откуда взявшейся лёгкой походкой...

Ехали в Ташлу на городецкой газельки. Шофёр, не в пример нашему, ташлинскому, в Тюльгане не ждёт тех, кто хотел бы в «Магнит» забежать. Татьяна вся истикалась: «Вот. Теперь не знаю, где можно колбасы купить?» «Да обойдёмся, Таня! Ну, зачем тебе колбаса?» Таня как только могла округлила глаза, вложив в них 100% удивления: «Так, ведь, закуска же...»

Горлач (художник-ташлюк) открыл очередной творческий сезон в Ташле. По его приглашению к нему съехались друзья-художники. Последним подъехал гружёный продовольствием и красками Смородин. По всему горлачевскому саду среди цветущих яблонь уже стояли открытые этюдники со свежими набросками. А хозяев этюдников Смородин пока

не заметил. «Прямо как в Бермудском треугольнике», – подумал Гена и потрогал краску на ближайшей палитре. Свеженькая... Мажется. Куда же все подевались? С трудом втащив свой багаж в дом, он чуть было не споткнулся через ящик с водкой. Мужики молча сидели за столом, подперев головы руками, и блаженно улыбались.

– Вы чё молчите-то? – шёпотом спросил Гена, насторожённый тишиной.

– Ц-с-с-с! – Горлач приложил палец к губам, – мы соловьёв слушаем... – Из открытого окна раздавались трели. К вечеру соловьи начинают активно распеваться.

А на столе стояла початая бутылка водки и нарезанный солёный огурец. Смородина жестом пригласили к столу и поставили ещё одну рюмочку. Теперь Геннадию стало понятно, почему этюдники были брошены в спешном порядке. Он взглянул на наполненный водкой ящик и подумал, надо признать, не без удовольствия: «Где-то, может, и треугольник Бермудский, а в Ташле – четырёхугольник...»

– А это что? – он показал на ящик.

– Водка, – спокойно ответил Горлач.

– А что так много?

– Где ж много? Мы здесь три дня уговорились поработать. Вот это, – он показал на несколько бутылок, – мы выпьем сегодня, вот это – завтра, а вот это – на третий день.

– Так-то мы вообще работать не сможем, – возразил Гена Смородин, – а давайте мы всё это выпьем сегодня, я вон

закуски привёз, а уж завтра и послезавтра поработаем, что есть мочи!

Мужики захихикали, а Горлач ответил:

– Эт ты здорово придумал. Но вот незадача: водки-то мы взяли с собой, а мочи дома оставили...

В регистратуре сельской поликлиники очереди почти не было. Всего два человека. А Протопопиха не считается. Протопопиха – это ташлинский Фигаро: и здесь и там. Зайдёшь в магазин, а она там. На почту, так она уже давно тебя опередила, стоит, болтает о том-о сём с операторами, а в сельском совете, то есть в администрации села, как теперь говорят, она, так кажется, просто живёт: то пожалиться придёт, то поругаться. А то и просто очередные сказки про себя рассказать. Как выпьет грамм сто самого-ночки, так сразу начинает претерпевать нужду в собеседнике, а скорее даже в слушателе. Вообще же сказки – это конёк Протопоповых, женщины именно из рода Протопоповых были няньками у помещиков Тимашевых, остатки имения которых до сих пор имеют место быть на взгорочке в центре Ташлы. Только Протопопиха была просто замужем за одним из сыновей последней из известных сказительниц, потому сказки её были вовсе не те, не той она крови, а посему и звалась всего лишь Протопопихой.

– О-о-ой! Какие люди! – запричитали Протопопиха, увидев меня, – сама пришла! А я-то стара уж стала, тяжело мне

к вам в Берлин ходить... Ноги-то уж не те, – пожаловалась она. А Берлин – это так местечко в Ташле называется. Здесь после войны возвращавшиеся фронтовики селились.

– А что же ты в поликлинике-то делаешь? – спросила я её, – неужто приболела?

– А как же! – глаз у Протопопихи засиял: нашёлся, нашёлся благодарный слушатель! – давление у меня!

– Конечно, оно у тебя будет, пьёшь-то небось каждый день до сих пор! – поторопилась я определить происхождение её недуга, зная, что не любит она говорить о своей плохой привычке.

– Ну да! Прямо вот от этого это самое давление! А у тебя чё, нету давления? Может, тоже пьёшь? Вон, соседка моя, на семь лет меня моложе, не курила, не пила, а всё мне в нос этим тыкала, и что? Где она? Уж больше десятка лет на погосте! Так что не надо мне этой пропаганды про здоровый образ жизни!

– А ты что же, и куришь?

– Ххха! И пью, и курю, и... – она наклонилась к моему уху и полушёпотом, обдавая меня перегаром, закончила мысль: и ба-а-алуюсь!

– В смысле? Безобразничаешь, что ли?

– Ну ты тупая! С мужиками бабы что делают?

– А что они с ними делают?... – и тут-то до меня дошло..!

Видно, это просветление отпечаталось на моём лице, потому что Протопопиха кивнула головой, подтверждая мою мысль,

и заключила:

– Так-то вот! Всё для здоровья! Всё для него...

Возвращаюсь домой. Навстречу стоя собак. Вернее, соседская сучка и десяток кобелей следом за ней. Вот и подумалось: «Балуются...»

Мама:

– Смотрите, какой красивый дом! Похоже, что он сложен из блоков, а облицован диким камнем.

11-летний сын:

– А ты догадливая, мам!

– Да! Сама себе удивляюсь!

– А можно без сарказма? – обиделся ребёнок.

– ... Я, конечно, очень довольна тем, что твой словарный запас достаточно велик, – ответила мама, – но не сможешь ли ты мне объяснить, а что такое сарказм?

– Ну, вот, опять сарказм... Можешь считать, что сарказм – это лучший друг страданий.

– ?...

Бабушка, подумав:

– Пожалуй, он всё-таки прав: желая защитить себя от страданий хоть какой-нибудь улыбкой, скорее всего получишь сарказм...

Одна ташлюшка, не будем называть её имени, решила отдохнуть не в Ташле, а в Италии. И что же? Её организм тут же

выразил протест против всяких там паст и пицц в натуре. Потому что, ну, какая там натура, когда вся еда – на поток. Ведь таких, пожелавших отдохнуть в Италии, собралось целое море со всего мира. И какой в таком случае может быть эксклюзив морковки, помидорки, огурчика, да даже лучка! Это вам не Ташла, где всё тут же с грядки безо всяких нитратов. Да и мясо там хорошее откуда? Рентабельное западное мясо (его же нужно много! столько туристов!) можно получить только особым способом, кормить скотинку приходится такими продуктами, от которых она растёт не по дням, а по часам, так что, что там, в этих продуктах прячется, можно только догадываться. Так вот, желудок нашей ташлюшки тут же дал о себе знать и взбунтовался. Пришлось ей идти в аптеку. А провизор не говорил на русском, а она и на английском не смогла бы объяснить, что ей нужно лекарство от изжоги. Однако, не уходить же без лекарства. Пришлось прибегнуть к пантомиме. Наша девушка приложила руку к месту, где располагается у нас желудок, согнулась, как бы корчась от боли, потом пробежалась пальчиками, как ножками, вверх по груди, тут вдруг в её руке появилась зажигалка, которая вспыхнула в тот момент, когда рука с зажигалкой достигла горла... Провизор улыбнулся, кивнул головой, желая дать знать, что всё понял, и подал её заветную коробочку. Однако, отпускать актрисочку по неволе просто так не стал, так же, перейдя к пантомиме, он показал ей, что есть ей можно только бульон из... а дальше произнёс: «Куд-куд». «А!

Куриный бульон!» – догадалась наша ташлюшка и решила тут же пройти в супермаркет. Однако там она никак не могла отыскать витрины с охлаждёнными курами. «Куд-куд» – обратилась она к работнику магазина. Тот недоумевающее взглянул на неё. «Куд-куда!» – она решила намекнуть ему на курицу по-русски. Опять не понял. Тогда она подошла к витрине с яйцами, взяла одно яйцо в руку, показала его и спросила: «Мама где?», надеясь, что слово «мама» понятно на всех языках. Продавец кивнул головой, отошёл куда-то за угол, и тут же появился с курицей в пакете. «О! Да! Именно это мне и нужно!» – воскликнула наша ташлюшка, взяла курочку и пошла к кассе.

Да, в Италии хорошо... А в Ташле – лучше!

Все собрались за обеденным столом под черёмухой. На первое был суп на бараньем бульоне, а на второе – свинина под винным соусом с варёным молодым картофелем. Первое разливала хозяйка, а второе все накладывали себе самостоятельно.

Марат положил столько кусочков мяса в свою тарелку, что они едва в ней помещались. Когда же он заметил вопросительные взгляды всех присутствующих, то поспешил успокоить всех:

– Не бойтесь, если я всё это не съем, то надкусывать не буду...

Паша Марыське: «Ах, ты, кошка! Ты такая вся кошка! Мявка ты кошачья! Ты всем кошкам кошка! Ты самая кошечная кошка!»

Раннее утро. Безработный Мухин отогнал свою Бурёнку в стадо и возвращается назад. На нём легендарная кепка и кирзовые сапоги. А из одежды только шорты, которые намедни сшила ему из завалявшегося куска синенькой ткани Галя.

Увидевшего его на дороге, «олигарха» местного разлива, владельца городского рынка, приехавшего в Ташлу на крутой спортивной машине дыхнуть свежего воздуха в выходной вместе со своей семьёй, передёрнуло, толи от того, что утро было свежим, предосенним, сам-то был одет в тёплый свитер, не то что полуголый Мухин, толи в предчувствие очередного вроде бы ни к чему не обязывающего разговора с бывшим наёмным работником.

– Здра-а-асьте! – Мухин сложил губы в улыбку, которая ничего добренького и не обещала вовсе, или так олигарху показалось? Однако, соблюдая правила хорошего тона, он буркнул в ответ:

– Здравсьте... – руку-то вроде подал, но локоть протянутой руки он прижал к своему раздобревшему боку так, что Мухину пришлось наклониться, чтобы принять рукопожатие.

А Мухин что? Он не гордый, наклонился...

– Я смотрю, ты так обленился, что побриться некогда: что

бороду-то отпустил? – завязал разговор олигарх.

– Так, а ты-то по что пузо отпустил?

– Растёт... – только-то и ответил хозяин рынка.

– Так и у меня растёт!

– Ой! Нашли чем хвастать! Лучше б у вас кое-что другое выросло! – вставила молоденькая и не отягчённая ни умом, ни хорошим воспитанием жена 65-летнего хозяина рынка. Мужчины сделали вид, что ничего не услышали. Толи из такта, толи из пренебрежения. А, может, ответить на это замечание стареющим мужичкам было попросту нечем...

– Как жизнь? – ну, а что ещё мог спросить бывший работодатель у своего когда-то уволенного за своеобразие работника.

– Да, вот... – припомнив строчку из Ломоносова, Мухин с большой долей достоинства сказал в ответ, – ни у кого не прошу и никому не должен...

И это действительно так. Живёт он исключительно подсобным хозяйством. Даже самогонка личного разлива...

– Это – философия лодыря, – заключил богатый дяденька, и, довольный собой, приподнял подбородок.

– Да вам-то, крокодилам, рабы нужны, а не работники. Уж без вас как-нибудь...

– Ну, попробуй! – «олигарх» погладил свой живот. Мухин тоже погладил. Бороду. И пошёл на огород.

После обеда зашёл в дом прилечь, отдохнуть от трудов на подворье в прохладе, проходя мимо зеркала, взглянул

краем глаза на свою фигуру в профиль:

– Опа-на! А пузо-то у меня не меньше! – гордо заметил он.

О том, что мои кошки охотницы, знают все. Я уже не удивляюсь, если вижу на крыльце дохлую гадюку или ящерицу. На крыльце, слава Богу, а не посередине комнаты, в которой сплю. Потому что раньше они свою добычу тащили именно туда. Всё лето потратила я на то, чтобы приучить их к тому, чтобы дальше порога они свою добычу не тащили. И, казалось бы, ничем они меня удивить не могут больше, ан нет! Случилось-таки то, что заставило меня поволноваться.

Рано утром, когда ещё недостаточно светло, я обнаружила, что на крыльце опять что-то появилось. Ну, появилось и появилось, днём разберусь. Ушла досыпать.

Когда же день явил себя в полную меру сил, я обнаружила, что это крупная мышка. Очень крупная. И всё бы ничего и понятно: кошка на то и кошка, чтобы охотиться за мышкой. Но эта мышка была особенной – полевой. Это именно та мышь, которая способствует заражению геморрагической лихорадкой. От которой, кстати, в деревне помер не один человек.

Я закутала платком нос и рот, вооружилась веником и совком и собралась провести операцию по уничтожению опасного для жизни, несмотря на дохлость, субъекта. И только-то я наклонилась к этой мышке, чтобы веником её на совок отправить, как она... дохлая!... шевельнула усом! Ё-моё! Она

живая!

Наверное, не стоит рассказывать, как я отскочила, теряя в полёте и веник, и совок...

Живая – не живая, а убрать субъект надо. Вдруг она всё-таки представляет опасность!

Я снова подошла к ней осторожненько. Лежит рыжая тварь, не дышит и не двигается, но только я начала операцию, как она снова демонстративно шевельнула усами!

Ну, это выше моих сил и терпения!

Может, я чего-то не вижу?.. Пойду-ка очки возьму.

Очки-то мне и помогли понять, что за странные вещи происходили сдохлой мышкой. Мышка-то дохлая, да мушка, излюбленная её живая! Она что-то выкусывала у мышки под носом, время от времени толкая свисший ус...

Блин... Надо отнести подальше. И пойду руки помою. И... как бы теперь от этой мухи спастись? Зашла на кухню и проверила, не лежит ли где-нибудь открыто еда... Хотя, разве это спасёт от контакта через наглую муху сдохлой мышью... Как жить дальше?...

Лена – ташлинская гостья. А Ташла, как известно, располагает к неспешным беседам, когда легко всплывают в памяти самые маленькие подробности сюжетов из жизни, которые важными кажутся, только если действительно никуда не торопиться. Но этот сюжет достоин отдельного разговора. Судите сами.

Лена работает в онкодиспансере, проводит обследование женщин на маммографе. Её профессиональный инструмент был изготовлен в Германии и носит известное имя «Филипс». С детства мы наслышаны о качестве немецких товаров, трудно отыскать кого-нибудь, кто бы сомневался в нём. Но Ленин маммограф отличался тем, что, будь он человеком, то считался бы просто бестактным. В самый ответственный момент, когда грудь пациентки обнажена и готова к обследованию, он вдруг раз! и мог отключиться. Конечно, не всегда, но случается. То ли грудь чем-то не нравится, то ли энергетика обладательницы её... Сейчас на каждом углу говорят об этой «энергетике», так что мысли о ней приходят волей-неволей. Объяснить это бестактное поведение маммографа на физическом уровне не представляется возможным. Лене снова приходится его включать, но его реакции приходится ждать примерно также, как компьютерной. И вот этот кусочек времени в этой ситуации кажется безнадёжно длинным. Чтобы хоть как-то отвлечь пациентку от того, что в этот момент она может подумать и об аппарате, и о человеке, который на нём работает, Лена придумала шутку, мол, вот какой патриотичный субъект, этот аппарат, работать начинает только, если слышит немецкую речь.

– Что-нибудь знаете по-немецки? – обращается она к пациентке.

– Разве только «хенде хох», – смеётся та в ответ.

– Ну, так я вас прошу, скажите ему это громко!

– Хенде хох! – повторяет, давясь от смеха, пациентка.

И вот однажды.

– Надо к нему обратиться по-немецки. Не признаёт другой речи, – сокрушается в очередной раз Лена, – спросите его: «Ви хайст ду?»

– Зачем же? – возразила пациентка, – мне рассказывали про его особенность. Я готовилась. Всю ночь учила стихотворение Гейне «Fichtenbaum». И начала декламировать.

На севере диком стоит одиноко

На голой вершине сосна...

Только не в переводе Лермонтова, и даже не в переводе Тютчева «На севере мрачном, на дикой скале»... А именно так, как написал Гейне: по-немецки.

С тех пор, предлагая пациентке поговорить по-немецки, Лена обязательно подчёркивает, что она шутит.

Николай Иванович Мухин к ночи так устал от забот по своему хозяйству, что заснул, не раздеваясь, на диване у телевизора, который даже включить не успел. Телефон свой сотовый он тоже не успел вынуть из кармана. В какой-то момент телефон под давлением отяжелевшего от физической работы тела непроизвольно начал набирать номера, записанные в контакте. Первым номером оказался номер телефона местного денежного воротилы, хозяина одного из го-

родских рынков и арендатора парка Тимашева в Ташле господина Б.. А время-то уже было позднее: три часа ночи.

Николай Иванович даже не подозревал, что пока он не дует в ус в Ташле, в городе на тумбочке из красного дерева, стоящей у постели довольного своей жизнью шестидесятилетнего миллионера, или даже миллиардера (разве кто считал?!), разрывается по его милости модным среди определённых лиц хитом «Чёрные глаза» сотовый телефон, призывая хозяина проснуться и ответить на звонок наконец.

И хотя господину Б. очень не хотелось расставаться со сладким сном и вылезать из-под обнимающей его руки молодой супруги, он всё-таки нашёл в себе силы приподняться и ответить на звонок. Однако ответа он так и не услышал. Окончательно проснувшись и утратив надежду на сладость снов остатка ночи, он набрал ответный вызов, чтобы сказать... Впрочем, сказал он гневно только одну фразу, услышав в ответ «Мухин слушает»:

– Мухин! Ты меня будишь?

А в ответ услышал растерянное и обескураживающее:

– Нет, нет! Я буду не вас... У меня женщина есть...

– А это что за водка? – спросил Одноралов, разглядывая бутылочку, на которой была как будто знакомая этикетка... – Мухинка? Это же Путинка!

– Нет, это мухинка.

– Почему? Здесь же просто исправлены буквы. Вместо П подрисована М, а вместо Т – Х...

– Содержание тоже исправлено... Внутри именно мухика.

– Странно...

– Ну, ты что, писатель, не знаешь, что значит «быть под мухой»?

– Ну, это ж не значит, что водка настоена на мухах?!

– Разумеется... Здесь вообще нет водки.

– А что ж это такое?

– Мухинка. Мухин готовит. Так что продукт мирового качества. Будешь?

– Ну, если сам готовит, то это, наверное, лучше, чем Путинка... Буду!

Едим в Тюльган. На УАЗике-буханке. Навстречу белый мерседес. С тех пор, как Ташла превратилась в клуб под открытым небом, здесь даже своя Рублёвка появилась. Обременённые счастьем богатства возжелали селиться

вблизи захудалых домишек художников и поэтов, которые задолго до ташлинского бума покупали свои домишки у основания той самой горы, где теперь подъёмник установлен для любителей горных лыж и сноубордов. Мерседес просигналил с просьбой остановиться. Что-то случилось?

– Говорят, где-то здесь есть Никольский родник. Не подскажите, где? – пожилой мужчина приоткрыл водительскую дверь.

– Ну, а что ж не показать, следуйте за нами.

Мы свернули с основной дороги. Грех не поделиться с кем бы то ни было прохладной водицей Никольского родничка.

Когда беседка, сооружённая над родником, появилась на нашем пути, мы затормозили, чтобы развернуться. Водитель мерседеса вышел нам навстречу:

– Сколько я вам должен за помощь?

– ...За какую помощь?... Ах, оставьте, пожалуйста! Что за бред?

В это время из мерседеса вышла молодая девушка. Дочка, наверное...

– Дорогой! – дежурно произнесла она, – я не нашла стаканчика в бардачке... Поищи сам!

Мы уже отъезжали, когда она возмущённо прокричала:

– И что?! И долго я буду ждать?

Похоже, что не дочка... Наверное, она иногда называет его и «папиком». «Дарагим папиком». Ну, что же, каждый счастлив по-своему.

Ситуация напомнила о том, как один хороший и добрый знакомый из далёкой молодости, когда мы ещё все были равны в материальном плане, отыскал недавно меня через интернет. Решили встретиться. Через сорок лет. Я-то только состарилась. А он – разбогател. Сильно разбогател. Живёт в своих апартаментах по всему миру. Есть и очень дорогая квартира в нашем, родном ему городе. Оформлена дизайнером так, что попала в глянцевые журналы. Нет, я та-

кое не люблю. Да, красиво. Да, светло и чисто, домработница хорошая. Да, всё блестит и светится. Но как-то мёртво. Я люблю жить среди вещей, которые имеют свою историю, с которыми поговорить можно... А у него всё так отлосканировано, всё собрано под одной крышей исключительно для того, чтобы попасть в сочетание с другими предметами, что создаётся впечатление, будто крыша эта как раз для этих неживлённых предметов и существует. А не для человека. Но больше всего впечатлил его рассказ о последней пассии, которая оказалась моложе его дочери. Он говорил с ней по телефону такими же дежурными интонациями, как и пассажиры мерседеса, типа «да я только о тебе и думаю». Но и это ещё не всё. Она приходит к нему по расписанию. Только в субботу и воскресенье. И так его достаёт своим присутствием, именно присутствием, а лишних телодвижений она себе не позволяет, чтобы не вызвать его раздражения и не оказаться за дверью, так вот по большому счёту она ему так не нужна, что, ложась спать в пятницу, он думает: «Хоть бы проснуться сразу в понедельник...» Каждый счастлив по-своему.

Ну а наше путешествие в Тюльган продолжается. На выезде из Ташлы стоит какая-то женщина и голосует. Ой... да ведь это Таня. Соседка наша с тремя детьми и мужем-пьяницей. Только что-то она постарела, сдала совсем... И не такой-то и возраст у неё...

Остановились. Открыли дверь, она вошла и села напро-

тив:

– Здрасьте! – говорит.

– Здравствуй, Тань, – отвечаю, – послушай, а что это твой дом каким-то запустевшим смотрится? Ты переехала что ли куда-то?

– Ой... да я ж не и Таня. Я – мама её...

И тут-то я заметила, присмотревшись, что в ней много было не от Тани вовсе: ноги не мылись месяца два, не меньше, ногти на ногах пожалуй вообще никогда не стриглись, какие-то из них отломились, а какие-то выросли так, что стали закручиваться в спираль как на руках китайских мандаринов; обувью служили мужские сланцы размеров на пять больше, чем следовало бы; заметно, углом, выпирал живот и грудь была только с одной молочной железой; голова была не мыта, слипшиеся пучки волос представляли собой что-то вроде причёски медузы Горгоны; руки свидетельствовали о постоянном тупом физическом труде, но это было ударной точкой её имиджа – корявые ногти на руках были покрашены темным фиолетовым лаком.

– А Танька-то переехала. Надоело зимой дорожки отсыпать, всё время на работу опаздывала. Пройти-то, пока снег не отчистит, не могла. Да и ребятишки в школу тоже не попадали вовремя. Там же, в вашей стороне, никто трактором не чистит дороги. Зачем? Там же дачники в основном...

Тут она заметила, что я её разглядываю.

– У меня язва желудка. Желудок болит страшно. Тошнит

всё время. А врач говорит, если, мол, придёшь ко мне снова, я тебе психушку вызову. А у меня от этой язвы вон! живот растёт!

– Тошнит, говорите?

– Да. Особенно по утрам...

– А это не беременность?

– Вот ещё! У меня уже полгода климакс! Я не могла забеременеть. А если б забеременела, то выкидыш бы был.

– Это почему это?

– Да потому что всё небо засрато!

– Как это?

– Дык летают. Самолёты. А в них – люди. Они же в уборные ходят. А всё это прямо в небо и выбрасывается! Вот и засрали. Летают же много. Туда-сюда, туда-сюда! Совсем стало нечем беременным дышать. Вот и выкидыши у всех...

– А-а-а-а! Может быть... – ответила я растерянно, предполагая, что врач-то была права.

– Но молодёжь-то не знает, что есть хорошее средство беременность-то сохрани-и-ить! Мне про него ещё Танькин отец говорил, первый муж мой, – лицо её расплылось от приятных воспоминаний, – да!

– И какое же это средство?

– Да трахаться побольше!

– Прямо так и говорил?

– Да!

– Да по тем временам и слова-то такого не знали...

– Да что ж мне, прям так и говорить тебе как он говорил?
Тогда – надо много еб... ся!

– Ой! – выскочила наружу моя ошеломлённость

– А он, вообще-то, у меня культурный был. Я с ним все фильмы посмотрела.

– В кино водил?

– Он его сам показывал. Киномеханик он был. В Техпосёлке (посёлок в шести км от Ташлы). Я корову подою, а потом верхом на лошадь – и к нему. Как раз на начало фильма успевала.

Собеседница моя снова расплылась удовольствием от воспоминаний.

– Ой, он такой ласковый был...

Я испугалась подробностей и перевела разговор на другую тему:

– А где ж он теперь-то?

– Да кто ж его знает? Я сейчас одна... Последний-то мой, Серёжка, заболел. Рак лёгких. У дочери сейчас. Уж и не ходит... А меня тоска гложет. Хочу забрать его... Не знай... отдадут-не отдадут... А то и защитить меня некому! Всю весну на свою пенсию рассаду покупала, сажала, сажала, ухаживала и на тебе! Родственнички понаехали! Жить ко мне. За мой счёт.

– Это какие ж родственники?

– Да дети с внуками! Нет уж, лучше я своего, хоть и больного, но мужика верну. А с ними хлопот не оберёшься! Нет

уж, пусть идут, откуда пришли.. Ой! Вот останови здесь. Здесь выйду.

Машина притормозила. Попутчица выскочила, тряхнув причёской, и устремилась в направлении рынка. Я смотрела ей вслед, стараясь не представлять подробностей её жизни, но они так и лезли мне в голову. И непонятно было, стоило бы что либо менять в ней, стала бы она счастливей, если её отмыть и ногти обрезать? Воспоминаний о Танином отце-киномеханике это бы ей не прибавило, а больше-то чем ей быть счастливой? Я представила, как она мчится верхом на лошади к тому, кто мил по самые уши и решила, что всё, что надо, с Таниной мамой произошло. И произойдёт. Без чьёго-то вмешательства. Каждый счастлив по-своему.

Марат взял в руки коробочку с дорогим зелёным чаем, где каждый пакетик помещён в специальный конвертик, заглянул туда и с улыбкой заметил:

– О! Здесь Штирлиц завёлся... Дядя Миш, – обратился он к крёстному, – смотрите: Штирлиц!

Миша заглянул в коробочку и пожал плечами:

– Какой Штирлиц? Причём здесь Штирлиц?

– Ну, как же! Посмотрите внимательно! Бабуль, вот посмотри: правда же, Штирлиц?!

Заинтригованная бабуля заглянула в коробочку, приготовившись поразмышлять как 12-летний подросток, и закатилась в смехе.

– Нет, ну, что тут смешного?! И где в конце концов здесь Штирлиц? – возмутился Миша, желая всё-таки вникнуть в ситуацию

– Всё просто, – сказала бабуля, едва пережившая впечатление от новой единицы измерения, – видишь: среди гламурных конвертиков скрывается простенький пакетик из коробки казахстанского чая?... Кто-то случайно положил... Вот этот «казах» и есть...

– Штирлиц! – продолжил мысль Миша, дошедший наконец до «глубины» логических упражнений Марата.

«Золотой стог» 2002г. 65x70 х/м

У какой-то деревенской сучки началась течка. Поэтому Рекс всё время в состоянии возбуждения и сексуальной озабоченности. Даже не ночует дома. Сегодня под утро он вместе с очередной дамой пёсего происхождения появился на личной территории и сразу к столу. Вернее, под стол под черёмухой. Там стоит его обеденная чашка. Всем извест-

но, что Рекс джентельмен. Из его чашки едят ежи и местные сучки. Только кабелям вход запрещён не только в столовую, но и на территорию в принципе. Так вот только они собрались начать романтический завтрак, как тут откуда ни возьмись – Муха. А Муха, хоть и кошачьего роду-племени, но считается старшей сестрой Рекса. Когда его принесли домой он был раза в три меньше её, а так как у неё никогда не было своих деток, то она присматривала за ним в манерах старшей сестрёнки, с тех пор ею и осталась. Рекс относится к ней с почтением и защищает от обидчиков. Так эта Муха, увидев очередную замухрышку неясного происхождения в родном доме, сначала издала мяурык, в котором чётко слышалось: «А это ещё что за шалашовка? Кого ты в дом таскаешь?» Несчастливая гостья вдавилась в землю и прижала уши. Муха кинулась к ней и давай дубасить передними лапами! Та кинулась к дыре в заборе, через которую только что попала во двор, а Муха, не отставая от неё, продолжала лупить её своими лапами, пока в дыре не исчез хвост неожиданной гостьи. Обескураженный Рекс наблюдал эту сцену, не пытаясь вмешиваться. Старшая сестра, однако... Против ничего не скажешь... Муха вернулась под стол и легла рядом с Рексом, уткнувшись мордочкой в его пуховую мягкую гриву.

Маратик приехал на зимние каникулы в Ташлу к бабушке. Привёз с собой горные лыжи, чтобы покататься с местной горки, которая называется Красный Шихан. Но засидел-

ся за компьютерной игрой.

– Марат, да выйди же ты на свежий воздух! – вызывает бабушка, – в городе ты этим не подышишь. Неужели эти игры лучше, чем жизнь? В твои годы пора уже и девочкам уделять внимания, а ты всё в компе, да в компе... – Игры не лучше, чем жизнь, – ответил Марат, не отрываясь от экрана. – Но очень популярны. Сейчас пойду на гору, встречу какую-нибудь девочку и скажу ей: «Я эльф с 74 уровня.» «А я с 56-го», – ответит она.

– Что?.. О чём это ты?

– Вот. Не понимаешь. А она сразу поймёт. Так что игры эти как раз помогут познакомиться. И будет кому очередь на подъёмник мне занимать...

Савельевка – это село, которое располагается по-соседству с Ташлой. Сегодня – это пять покошенных от времени и плохого ухода домиков, три из которых нежилые. А стоит это селыцо прямо на междугородней трассе с достаточно активным движением. Скорости иногда здесь допускаются такие, что пассажиры не успевают прочесть, что написано на мемориальной доске, размещённой на бетонном столбе при дороге. А написано там о том, что это село – родина четырёх Героев Советского Союза. Я думала, что они могли погибнуть во время войны разом, например, в одном танке. Специально покопалась в архивах. Нет! Все они в разное время и в разных местах заслужили это звание. (Для сравне-

ния: знакомая мне эстонка, проезжая мимо этого села, заметила: «А на всю Эстонию только девять Героев Советского Союза...»). Но, как оказалось, героев здесь больше, чем заявлено на мемориальной доске.

Однажды нам случилось проезжать по этой трассе поздно безлунной ночью. Так мало того, что ночь была безлунна, так ещё и тучи всё небо обложили, а до туч здесь рукой дотянуться можно, однако у подножья самой высокой точки области находимся. А так как фонарей вдоль трассы не ставят, то темноту пробивали только фары автомобиля. И всё равно иные машины мчались со скоростью, которая в лучшем случае вызывала недоумение.

Ещё достаточно далеко от Савельевки мы стали замечать, что автомобили, мчащиеся по дороге, у самого села взвизгивали тормозами, свет их фар начинал извиваться, и всё это сопровождалось гудением сигнала. А вот что заставляло их тормозить, разглядеть издалека было невозможно. Мы-то ехали не торопясь, и всё равно освещённый фарами машины силуэт красной лошади на дороге возник перед нами как-то совершенно неожиданно. Водитель нажал на сигнал, но лошадь не сдвинулась с места. И как бы настойчиво водитель не сигналил, животное оставалось на месте, как будто бы её вкопали в асфальт. Так или иначе, но пришлось маневрировать. И тут я заметила, что на дороге в ногах у лошади что-то лежит... Мы притормозили и остановились на обочине. Вышли из машины и подошли к лошади, обуреваемые лю-

бопытством. И что, вы думаете, там лежало? Вернее, кто. Это был, по всему видно, всадник. Наверное, местный пастух. Потому что рядом с ним лежал кнут, которым обычно погоняют скотину. Похоже, он упал с лошади, когда та переходила трассу... Сердечный приступ? Мы наклонились к лежащему человеку и чуть не задохнулись... Значит, дышит. Значит, просто спит. Надо ж так напиться!

Мы взяли незадачливого всадника за руки и за ноги и отнесли подальше от дороги, положили на травку, благо, лето, тепло, поспит на свежем воздухе, смотришь, к утру отрезвет. Преданная лошадь подошла к хозяину, обнюхала и стала мирно пастись рядом.

И что бы было с этим пастухом, не оказался лошадь такой преданной и такой героической?!

Каждой весной в Ташле возникает проблема для сельчан: на выгоне поднимается трава, а пастуха для коров найти большого стоит. Никто не идёт на такую работу. Да и кому нужно? Вставать раньше всех, весь день таскаться с коровами по лесу, а домой возвращаться чуть ли не к заходу солнца. А там, смотришь, кто-нибудь корову свою не найдёт, ругаться будет... Только в постель попадёшь, наконец, а тут уж опять рассвет, и опять вместе с петухами вставать... Вот никто и не соглашается.

А в этом году Алик уговорил своего соседа в пастухи пойти. Правда, сосед этот особо скучать себе в лесу не да-

ёт, и возвращается в село практически лёжа на спине своей лошади, в силу того, что выпитое за день мешало удерживать позвоночник в вертикальном положении, да и утром его не добудиться, коровы подолгу по улицам бродят, ожидая звука пастушьего кнута, но другого пастуха не было, потому волей-неволей, а хозяевам коров приходилось терпеть такого единственного и неповторимого. Коровам тоже. Но с некоторых пор стадо стало вовремя выходить на выгон. А всё потому, что корова Алика приспособилась сразу, как её за ворота выпроводят, подходить к дому соседа, просовывать морду в открытое окно и облизывать морду спящего пастуха своим шершавым языком. Домишко у пастуха небольшой, переставить кровать в другое место у него не получалось, потому и приходится теперь вставать пастуху на рассвете в ответ на ласки соседской коровы... Так что стадо теперь всегда вовремя выходит на пастбище.

«Осень» 2002г. 65x70 х/м

К калитке подъехала машина с красным крестом. Пи Лю Гин подошёл поближе:

– Что-то случилось?

– Да нет, ничего не случилось, – ответила молодая женщина, выходя из машины. – Я ваша медсестра. Вот езжу по селу, приглашаю жителей на флюорографию. Завтра в Ташлу

из районной больницы приедет специальная машина – флюорограф мобильный, вы придёте? Тогда я вас запишу.

Медсестра достала блокнот и попросила: —

– Ваши фамилия, имя, отчество и год рождения назовите мне пожалуйста...

Записав данные Пи Лю Гина, она подробно объяснила к какому часу и куда нужно будет завтра подойти, а потом снова задала вопрос:

– А бабушка ваша сейчас с вами? Она придёт?

– Какая бабушка? – удивился Пи Лю Гин, маму свою, которую все называли «бабушкой» он похоронил уже года три назад.

– Какая бабушка? – повторила его вопрос супруга Пи Лю Гина, выходя из парника, она всё время находилась там и всё слышала, – у нас больше нет бабушки, мы живём вдвоём...

Медсестра вдруг густо покраснела, но попросила сказать все необходимые данные и супруги Пи Лю Гина.

«И что это она так смутилась-то? Вроде ничего особенного не обсуждали... – подумала жена Пи Лю Гина, заходя в дом. И тут её взгляд остановился на отражении в зеркале, висящем на стене... – А-а-а... Бог ты мой! Да это ж она про меня так – бабушка...» Она вглядывалась в то, что увидела в зеркале, и растерянно размышляла, когда ж это случилось-то? Когда это она стала бабушкой? Ну и что, что уже внуки есть. Но бабушка – это, ведь, не обязательно старушка! А ведь медсестра имела ввиду именно старушку... А Пи

Лю Гин-то теперь что же, уже не просто дедушка, а старик тоже? И когда же это произошло? Да нет... это для двадцатилетней девушки мы уже старики, а так-то... Так-то... Да. Вот так-то. Господи! Это нечестно...

Писатель Одноралов после длительной командировки вернулся в Ташлу. И тут же сообщил об этом художнику Смородину, который в отличие от него живёт не в низинке на берегу речки Ключ, а в той части села, которая располагается на вершине холма. Ночью в Ташле пошёл мелкий осенний дождь. А раненько утром Смородин позвонил Одноралову и спросил: «А как там у тебя с погодой?» Одноралов выглянул в окно и сказал вопреки увиденному: «А у меня солнышко светит...» «Да-а-а? – удивился Смородин, – ну, тогда я к тебе сейчас приду! Погреться.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.